

Софья Орех

Долгий путь скомороха

УДК 82-3
ББК 84-4
О-65

Орех С.

О-65 Долгий путь скомороха / Софья Орех. – М.: Литнет, 2026. – 860 с.

ISBN 978-5-521-94748-5

Времена Ивана Грозного. Опричнина и голод – главные враги народа Московии. Тем не менее уважение к первому русскому царю усиливается во всём мире, шпионы многих великих стран хотят знать всё о каждом его шаге и планах на будущее.

Жизнь же в самой Московии идёт своим чередом и небольшая компания скоморохов бродит по её просторам веселя народ и доносит до них весточки со всех концов государства российского. Несколько лет назад к ним примкнул тридцатилетний красавец Ратмир, принес с собой удачу и достаток. Кроме этого Ратмир успел показать себя умелым сыскарем и тут же стал очень востребованным среди вельможных особ, ищущих для себя правды в совершённых против них преступлениях.

А ещё Ратмир, обладая привлекательной внешностью и отзывчивым характером, очень часто попадает в любовные сети и иногда это заканчивается печально. Тем не менее, сам Ратмир всегда готов идти на самые рискованные и опасные поступки ради настоящей любви и любимого человека.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-94748-5

© Литнет, 2026

© Орех С., 2026

*Почти все события и персонажи
в трилогии «Долгий путь скomoroxa»
являются плодом фантазии автора
и любые совпадения случайны.*

Книга 1

Часть первая. Жестокое убийство боярышни

Пролог

Шёл одна тысяча пятьсот шестьдесят восьмой год и двадцать четвёртый год правления царя Ивана Грозного на Руси. Вот уже третий год народ всей державы стонал под гнётом новых жестоких царских слуг – опричников. Ведь, поссорившись с боярами и опасаясь мести с их стороны, Великий государь сбежал из Москвы и основал в Александровой слободе вторую столицу. Здесь же он и набрал себе новой войско опричь основного. И стали его воины называться опричниками. Вот тогда и стал Великий государь Иван Четвёртый править из Александровой слободы с их помощью и при полной их поддержке. А призванные на службу к царю в противовес боярскому сословию опричники взялись рьяно исполнять свои обязанности по поиску, разоблачению и наказанию тех, кто что-то замышлял против царя и государства. Вместе с попавшими в опалу боярами жестокому наказанию подвергались все их близкие, холопы и принадлежавшие им крестьяне...

Плохие погодные условия одна тысяча пятьсот шестьдесят восьмого года оставили большую часть страны без урожая, и во многих районах страны наступил голод. Недовольство титулованной знати и народа пресекалось царём и опричниками самым жестоким образом.

Глава 1

Неподалёку от огромного подворья боярина Скобелева шелестело пожухлыми колосьями пшеничное поле. Дождя не было с конца весны, и чахлые колоски едва качались под слабым ветерком. Почти не было слышно птичьего гомона. Несмотря на раннее утро, солнце уже начинало припекать. Трое мужиков в белых холщовых рубахах, подпоясанные выдавшими виды поясами, сгрудились в нескольких метрах от края поля. Они периодически утирали взмокшие лбы от подступавшей жары рукавом рубахи и, молча, обескуражено смотрели на тело юной девушки, лежавшее перед ними прямо на помятых пшеничных колосьях...

– Кто же это её так?! – Покачал головой высокий, жилистый мужик лет тридцати пяти. Он запустил пятерню в свою густую русую бороду и в волнении перебирал её заскорузлыми пальцами.

– Кто ж теперь знает... Погубил какой-то ирод девку... насильничал, видать, и придушил... – хмуро отозвался второй. Ростом он был пониже, с копной каштановых волос на голове, стриженных «под горшок». Борода такого же цвета, с лёгкой проседью, едва доходила ему до груди.

– А ты откуда знаешь, что придушил? – спросил первый, продолжая перебирать пальцами густую бороду.

– Так вон же у неё на шее какие синяки! – воскликнул второй и указал пальцем на тоненькую, с синими пятнами, шейку девушки. Прятаться надо, братцы. Как только боярин узнает, что кто-то его единственную дочку жизни лишил – так сразу озверееет и всем нам достанется. Не станет разбирать – кто прав, кто виноват. Все под плеть пойдём, пока не дознается, кто этот самый убийца... – озабоченно добавил он.

– А ведь Макар дело говорит, ребята... Уж больно скор на расправу наш боярин, Светозар Алексеевич. В прошлом году вон, считай,

всю Сафроновку посёк плетью за нечаянную порчу ржи, – взволнованно заговорил молчавший до этого третий мужик с чёрной смоляной бородой по пояс. Он тоже был высок и кряжист. Старенькая суконная шапка едва держалась на его плохо выбритой голове.

– Да уж... тогда он и пастушка малого не пожалел. Умом-то и сдвинулся Андрейка после той расправы... Только матушку свою Акулину криворукую до себя и допускает, когда она ему в норку его земляную еду какую приносит... – отозвался Макар и озабоченно почесал затылок.

– Вчера только смех её колокольчиком слышал. А теперь вон холодная лежит, уже никогда не повеселит батюшку с матушкой... А глаза у неё неприкрыты, ребята... Страшно как-то... – испуганно произнёс высокий, жилистый мужик.

– Эх, монет с собой нет – глаза прикрыть бы. Надо хоть личико платочком укрыть, а то ведь так и начнёт высматривать, кого с собой утянуть... Поддай платочек её, Дормидонтка. Вон у куста валяется... – указал куда-то в кусты коричневым пальцем Макар.

– Так как? Расходимся и молчок, пока кто другой не найдёт Богданушку нечаянно в пшенице? Как будто знать ничего не знаем... – продолжая волноваться, предложил чернобородый мужик.

– Можно и так, Арсюшка, да только не по-христиански это будет. Баба, хоть и не человек как бы, но Богданушка всегда была добра к нашему брату. И деток наших не обижала, сахарком когда могла – баловала ... – подал расписной, шёлковый платочек жилистый Дормидонт.

– Прав Дормидонтка... Хорошая была девка... И характера лёгкого была, и весела, и разумна не по летам. Помните, как она тайком от боярина на конюшне жеребят всё мазями да порошками лечить бралась?

– Все помнят, чего там... Один только и сдох, а остальных она вылечила. Только боярин с нами чикаться не станет... Коли узнает, что Богданушка светлицу без его разрешения покидала, то сразу нас всех в норки земляные загонит, как Андрейку ...

– И то, правда... Что же делать-то, ребята? Не миновать нам плетей, если узнает от нас... – схватился за голову Арсений.

– Гонца надо послать.

– Вот тебя, Дормидонтка, и пошлём.

– Ага, фигушки... Доносчику как раз первый кнут и будет... Эй, прячься, вон там кто-то идёт. Да присядь же ты тоже, Арсюшка! Вымахал вон с версту коломенскую. Всю макушку твою видать... – ткнул его в плечо хмурый Дормидонт.

– Ага, а твою, можно подумать, не видать! Всего-то на полголовы и ниже меня. Кто хоть идёт-то? – спросил, опустившись на корточки, Арсений

– Да вот я и пытаюсь разглядеть... Похоже не из наших...

– А-а, это же из тех скоморохов, что вчера потешки на боярском дворе показывали. Вот забава была! – воскликнул Макар.

– Тише ты, Макарка! Не дай Бог, – заметит он нас.

– Так давайте-ка, ребята, его и назначим гонцом. Он – человек пришлый, ему от боярина может ничего и не будет... Да и по годам он ещё мальчишка совсем... Хотя вот Андрейкины года не помогли ему от боярского гнева уберечься... – удручённо покачал головой Дормидонт.

– Ага... а может это он и есть убийца...

– Ну, ты, Макарка, горазд на выдумки! С какого перепуга ему в таком случае здесь околачиваться? Убийца – он завсегда подальше от убитого держаться будет. Он же не дурак, чтобы так подставляться!

– Так может нам пока и не прятаться тогда? Позови-ка его, Арсюшка.

– А чего я-то?! Ты, Дормидонтка, сам это придумал – сам и зови пришлого.

– Эх, трусы же вы, ребята! Эй, малой! Да, да – ты! Иди-ка сюда, не бойся – не тронем... – Дормидонт замахал рукой какому-то мальчишке, случайно проходившему краем поля и что-то искавшему у себя под ногами.

Глава 2

На большом, раскинувшемся вдоль реки Пахры подворье боярина Скобелева Светозара Алексеевича стояла непривычная тишина. Даже животные в хлевах и птицы в птичниках вдруг замолчали. Огромная территория, огороженная высоким забором из ошкуренных дубовых бревён с заострёнными верхушками, внезапно обезлюдела, несмотря на ясный жаркий солнечный день. Вся придворная челядь попряталась в своих избах да по закуткам в ожидании страшных событий. Только ветер разносил едва слышное перешёптывание из одного конца боярского подворья в другой...

Внезапно закрипела и медленно приоткрылась тяжёлая, обитая медными узорами дверь, и на широком крыльце под высоким навесом показался сам боярин – высокий, крепкий, с чёрной с проседью бородой по пояс. Под распахнутым кафтаном на холодном подкладе виднелась красная полотняная сорочка, расшитая по вороту мелким жемчугом. Тёмно-малиновый кушак, подпоясанный под объёмным животом, подчеркивал дородность и величавость боярина. На голове у него была расшитая золотом и серебром тюбетейка – подарок одного из татарских ханов. Подрагивавшая окладистая борода плохо скрывала багровый румянец на искажённом гневом лице боярина. В правой руке он судорожно сжимал тяжёлый посох с серебряным набалдашником в форме волчьей головы.

– Где она, Устин? – едва размыкая сведённые судорогой челюсти, негромко спросил он, не поворачивая головы.

– Ох, батюшка! Не вели казнить... – шедший за ним худой, седовласый слуга упал на колени и сжался весь в ожидании удара. – Беда-то какая, батюшка! Прости, отец родной, без твоего разрешения я велел занести сюда Богданушку. Люди сказали, что на том берегу волчица нору выкопала и волчат принесла. Вот я и велел девоньку в медвежью полость завернуть и на повозке сюда доставить, чтобы волчица её не погрызла.

– Где она?! – Уже прорычал сквозь густую бороду боярин.

– Там, батюшка, там... в возке и лежит около ворот. Фёдка с Козьмой её охраняют и твоих указаний дожидаются, – заелозил на коленях слуга, поглаживая изуродованными старческими пальцами мягкие сапоги хозяина и продолжая вжимать голову в плечи.

– Скажи им, чтобы в задние сени снесли. И ждите меня там. Только вначале позови мне Макарку с Дормидонткой в сопровождение, – прорычал вновь боярин, не трогаясь с места.

Он стоял изваянием, не сводя налитых кровью глаз с массивных деревянных ворот, за которыми находилось тело его любимой дочери Богданушки.

Через короткое время Светозар Алексеевич в сопровождении рослых холопов Макара и Дормидонта зашёл в сени. Там на лавке, на распахнутой медвежьей полости он увидел свою дочь. Казалось, что юная девушка лет четырнадцати просто прилегла отдохнуть. Но черты её почти детского личика уже начали заостряться. Полузакрытые глаза ещё хранили нежную округлость век. Тень от густых, чёрных ресниц ложилась на уже западавшие мертвенно-бледные щеки. На беззащитно тоненькой, как у птенца, шейке девушки отчетливо были видны расположенные по кругу синевато-багровые пятна. Левая рука её покоилась на груди, а правая – бессильно свисала вниз, и полуоткрытая кисть лежала на выскобленном добела деревянном полу. Растрёпанная светло-русая девичья коса змеилась по медвежьей полости. Синий парчовый сарафан, одетый поверх белой рубахи с длинными вышитыми рукавами, был сильно испачкан и разорван снизу доверху по пояс. На подоле белой рубахи темнели уже побуревшие пятна крови. На одной ноге у девушки сохранился испачканный землёй синий атласный сапожок, украшенный изображением единорога из слоновой кости и белыми жемчужинками. Вторая нога была боса и также запачкана землёй.

Увидев всё это, боярин Светозар Алексеевич издал звериный рык и, тяжело дыша, только и спросил:

– Кто?! Кто это сделал?!

Все присутствовавшие слуги разом пали на колени и, прикрывая головы руками, заголосили:

– Ой, не знаем, батюшка! Не бей, отец родной! Если знали бы кто, так своими руками и порвали бы эту сволочь...

В этот момент боярин, продолжая тяжело дышать, начал охаживать их своим посохом по скрещённым над головами рукам и сгорбленным спинам, рыва:

– А вы где были, твари?! Как она могла из комнаты своей, из терема выйти без моего на то разрешения?! Она же – дитё малое ... не знала, что делает... Где же вы были, недоноски?! Главная ваша обязанность была терем сторожить! Как она могла в пшенице заблудиться?! Как за ворота вышла? Быть Артёмке повешенным сегодня же на этих воротах за то, что недогляд! На то он и был приставлен за воротами присматривать, чтобы никто без моего ведома не смел со двора уйти... Всем плетей сегодня достанется! Всех перепорю, пока не узнаю, кто посмел мне такую обиду нанести!

– Ой, ой, ой, не погуби, батюшка! – продолжали голосить слуги, с ужасом следя из-под скрещённых рук за посохом и привычно стараясь увернуться от беспощадных ударов своего хозяина. – Не погуби, Светозар Алексеевич! Только прикажи – и сейчас же мы начнём искать убийцу. Разрешите нам исправить нашу ошибку...

И хоть был боярин в силе и в теле, но и он вскоре устал. Откинув посох в сторону, приказал всем слугам выйти из сеней и остался он один на один с телом дочери.

– Донюшка моя... Богданушка... – прошептал боярин и грузно опустился на колени перед лавкой. Левой рукой он коснулся холодных пальцев дочери, а правой начал гладить её по отяжелевшей голове. – Что же ты натворила, Богданушка?! Ведь знала ты про запрет мой. Знала и про то, что судьба ваша бабья – в теремах сидеть, да рукодельничать... Сам я виноват, дурень старый! Не должен был потакать тебе... Всё думал – баловство это и вот-вот по-